

А

Каган М. Д. Тарловский Марк Ариевич // Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.

Т. 5. Слово Даниила Заточника-Я. Дополнения. Карты. Указатели. - 1995. - С. 92-94.

<http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es5/es5-0922.htm>

ТАРЛОВСКИЙ Марк Ариевич (20.VII.(2.VIII).1902, Елизаветград - 15.VII.1952, Москва) - поэт и переводчик. Ок. филол. ф-т МГУ (1924). Автор ряда поэтич. книг: "Иронический сад" (1928), "Бумеранг" (1931). Последний сб. - "Рождение родины" (1935) включал и переводы. Т. переводил с европ. яз. и с яз. народов СССР; писал очерки, рассказы, статьи по теории перевода. Во время Отеч. войны переводил стихи Джамбула, в том числе и знаменитое "Ленинградцы, дети мои". В отзыве на первый сб. стихов критика отметила свежесть формальных приемов творчества Т.

По признанию автора, им было сделано три самостоят. перевода С. - в 1918, 1923 и 1938, и только последний из них был опубликован. В статье и комм. к переводу Т. изложил свой подход к передаче древнерус. произведения для совр. читателя и свои взгляды на автора С. Оправдывая стихотв. перевод памятника, Т. полагает, что С. представляет собой древнерус. стихи, которые скорее всего произносились речитативом. Стремясь создать произведение, адекватное в совр. условиях С., Т. прибегает к смелым аналогиям: если для автора С. образцом было творчество Бояна, то для совр. поэта образцом является Пушкин, его "Песнь о вещем Олеге"; если автор С. соединял традицию с новаторством, то к этому же приему может прибегнуть и автор перевода, позволяющий себе различные языковые изощренности, неологизмы (напр.: "мерекнуть" - смекнуть, догадаться, "Гнездарь" - ловчий сокол, "бабры" - тигры и др.), включения в текст древнерус. слов (напр.: детинец, струги, гривны и др.), слов, взятых непосредственно из оригинала (напр.: аксамит, тур, нагата и др.). В остальном Т. считал, что его перевод "...следует общепринятым принципам художественного перевода", является "поисковыми попытками как передачи содержания во всех его оттенках, так и сохранения всех особенностей и элементов формы и уже, само собой разумеется, того идейно-художественного духа, которым проникнут вдохновенный патриотический манифест Киевской дружинной Руси...".

В своих представлениях об авторе С. Т. опирался на мнения Н. С. Тихонравова, Е. В. Барсова, Вс. Ф. Миллера, А. А. Потебни, П. П. Вяземского, А. С. Орлова, С. К. Шамбинаго. Т. выделяет в тексте С. все места, где автор говорит от своего лица, так или иначе заявляет о себе. Под пером Т. создается облик певца-дружинника, принадлежащего скорее всего к двору князя Святослава Всеволодовича. Т. находит, что автор, вначале сочувственно относящийся к Игорю, осуждает его поход после знамения-затмения, но затем переходит от осуждения к апофеозу.

П. Г. Скосырев, ред. сб., в котором в 1938 был опубликован перевод Т., в предисл. говорил о возможности такого подхода к передаче древнерус. текста, когда подлинник использован как своего рода "подстрочный перевод с неизвестного языка" и для каждого понятия подстрочника переводчику приходится самостоятельно подыскивать поэтич. выражения.

Несмотря на все эти разъяснения, перевод Т. был воспринят лит. критикой резко отрицательно. В двух рец. 1939, помещ. в сатирич. разделах худ. журналов, в фельетонной манере подвергся критике как сам перевод, так и комм. автора. Недопустимой дерзостью представлялось сравнение автора перевода с Пушкиным, а сам перевод объявлен вульгарнейшей модернизацией, чудовищным кошунств. искажением образов С. и пр. Не принял этот перевод и И. П. Еремин в 1948.

Между тем в более поздних обзорах переводов и переложений С. Л. А. Дмитриева и А. И. Михайлова работа Т. получила др. оценку. Рассматривая ее не как собственно перевод, а как вольное переложение текста, они отметили, что автор сохраняет сюжетную канву оригинала, следует в изложении событий древнерус. тексту, но передает содержание своим яз., в своей поэтич. манере, подчас интерпретируя памятник, вносит в него свои добавления, исходя из своего понимания не раскрытых в С. намеков и иносказаний. По наблюдениям Дмитриева и Михайлова, позже подобный подход в интерпретации С. стал преобладать над более точными переводами (напр.: В. Соснора, 1959, В. М. Гончаров, 1970, А. Домнин, 1971, Г. Карпунин, 1983, Г. Панов, 1984).

Несомненно, что в работе Т., воспринимать ли ее как вольный пересказ или как своеобразный перевод, проявился поэтич. дар автора, отразилось его мастерство, его проникновение в характер и стиль С. Внимательно сопоставляя перевод с оригиналом, нельзя не заметить точности в передаче стилистич. особенностей древнерус. текста. Особенно ярко отразилась в переводе экспрессивно-эмоц. стихия С. (напр.: "Засеян костями был чернозем, / Копыта по ним стучали, / Их кровь залила и пошли в подъем / Побег по русской печали"; "Иссякли кровавые тут ковши, / Тут русские, кончив тризну / И сватьев насытив от всей души, / Костями легли за отчизну").

Соч.: Речь о конном походе Игоря, Игоря Святославовича, внука Олегова // Слово - 1938. С. 289-

А